

О БОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

(Статья бывшего артиллериста).

Sine ira et studio.

Каждое знаменательное въ физическомъ мѣрѣ явленіе имѣетъ соотвѣтствующій отголосокъ и въ мѣрѣ нравственномъ, стало быть и въ литературѣ. Это случается всегда, болѣе или менѣе видимымъ образомъ. Послѣ каждой войны, литература участвовавшая въ ней народа обыкновенно оживляется, и у насъ съ послѣднимъ выстрѣломъ въ Крыму (даже и ранѣе) пробудилась живѣйшая дѣятельность въ военной литературѣ; выдвинулось почти вдругъ на ея арену значительное число новыхъ и талантливыхъ писателей. Одни, принадлежащіе болѣею частью къ молодому поколѣнію, спѣшили высказать свои свѣжія еще впечатлѣнія; другіе, болѣе просвѣщенные опытомъ, начали разсматривать факты, собирать и сличать сдѣланныя наблюденія и вообще обсуживать всѣ новыя данныя, внесенныя послѣдними событіями въ военное искусство. Многіе вопросы были подняты, многія предположенія представлены на судъ публики; устройство всѣхъ родовъ войскъ, ихъ вооруженіе, снаряженіе, хозяйство, тактическое и нравственное образованіе, все это подверглось из-

слѣдованіямъ, и горячая полемика закипѣла съ какою-то лихо-радочною торопливостью, свидѣтельствующею объ общей унасъ любви къ военному дѣлу и о развитіи любви къ военному искусству. Все полезное, дѣльное, важное, стало разрабатываться. Публика едва успѣваетъ слѣдить за теченіемъ литературнаго потока. Нѣтъ сомнѣнія, что на его поверхность всплываетъ иногда, то мысль, еще не окрѣпшая, то самолюбіе, неподдержанное наукою или опытомъ; то, наконецъ, слѣпое оужденіе всего существующаго, безъ указанія средствъ къ исправленію недостатковъ; но, это случаи частные, это исключенія, которыя потокъ уносить безъ вреда. Вообще же, нельзя не порадоваться отъ всей души проявленію этой новой дѣятельности и какъ бы новой жизни въ нашей военной литературѣ.

Къ числу предметовъ, особенно важныхъ, затронувшихъ значеніе и духъ главныхъ родовъ войскъ, принадлежитъ безспорно и вопросъ о *конной артиллеріи*, которою гордятся наша армія. По этому предмету появилось въ печати довольно много сужденій, различныхъ по взгляду на назначеніе этого рода войска, и потому крайне между собою не согласныхъ; но, яснѣе и полнѣе прочихъ, обрисовались два мнѣнія, почти противоположныя одно другому; вотъ одно изъ нихъ:

«Въ конно-артиллерійской службѣ есть одна только специальность, собственно *артиллерійская*; слѣдовательно, между специальнымъ образованіемъ и духомъ офицеровъ пѣшей и конной артиллеріи, нельзя допустить никакого различія. Конная артиллерія не должна считать себя кавалеріею, которой даны орудія для возки, но въ полномъ смыслѣ *артиллеріею*; а потому офицерамъ не слѣдуетъ усвоивать себѣ кавалерійскій духъ и заниматься лошадьми, въ ущербъ специальности своего оружія; но, наравнѣ съ офицерами пѣшей артиллеріи, изучать артиллерійское искусство и отличать любовію къ наукѣ».

Другое мнѣніе заключается въ слѣдующемъ:

«Въ конно-артиллерійской службѣ существуютъ два различныя элемента и двѣ специальности, равнобѣрно важныя и равнобѣрно необходимыя для офицеровъ: кавалерійская и артиллерійская. Офицеры должны посвящать большую половину своего времени манежнымъ занятіямъ; объемъ же необходимыхъ имъ теоретическихъ (артиллерійскихъ) познаній весьма не обширенъ и требовать отъ нихъ болѣе отнюдь не слѣдуетъ. Конная артил-

лерія должна отличаться въ особенности лихимъ, молодецкимъ духомъ, и молодецкими, отважно предприимчивыми налетами на самое близкое разстояніе къ неприятелю. Это молодечество имѣетъ такое важное значеніе, что изъ козаковъ въ пять дней можно сформировать конную артиллерію, способную къ удовлетворительному дѣйствию противъ неприятеля».

Очевидно, что одно изъ этихъ мнѣній должно быть ошибочное, и, по важности своихъ послѣдствій, даже вредное, но указать на него прямо, или послѣ краткаго изслѣдованія, было бы напрасно, потому что мнѣніе это въ высшей степени увлекательно. Оно требуетъ отъ офицеровъ немного первоначальной науки и немного опыта, освобождаетъ ихъ во все продолженіе службы отъ утомительныхъ кабинетныхъ занятій и въ замѣнъ этихъ тяжелыхъ, невидныхъ, часто неблагодарныхъ трудовъ, предлагаетъ молодечеству, къ которому каждый военный, и безъ того, чувствуетъ склонность, какъ къ доблести, наиболѣе льстящей военному самолюбію, доставляющей громкую извѣстность, отличіе и славу.

Изъ двухъ противныхъ мнѣній, одно основано на положительныхъ требованіяхъ военнаго искусства и ведетъ къ пользѣ отечественнаго оружія, но съ перваго взгляда представляется какъ-то сурово и вовсе не заманчиво; между тѣмъ, какъ второе, хотя ошибочное и вредное, встрѣчаетъ радушный приѣмъ, обольщая воображеніе поэтическими мечтами о рыцарскихъ подвигахъ. Поэзія въ дѣлѣ практическомъ большею частью неумѣстна, но доказать ея неумѣстность весьма трудно, въ особенности если вопросъ относится непосредственно до боя.

Въ подобныхъ случаяхъ одинъ только холодный, строго рациональный анализъ предмета можетъ разрушить увлекательность неумѣстныхъ поэтическихъ мечтаній, препятствующихъ признанію полезной истины. Это и заставляетъ насъ дать настоящей статьѣ мало употребляемую теперь *дидактическую* форму, въ той надеждѣ, что особенная обстановка вопроса оправдаетъ, какъ эту форму, такъ и методу, употребленную для его изслѣдованія.

Всѣ три рода войскъ, изъ которыхъ составляется регулярная армія, одинаково для ней полезны, важны и необходимы. Ни

одинъ изъ нихъ не можетъ быть поставленъ выше другихъ или названъ главнымъ, потому что каждый при извѣстныхъ обстоятельствахъ боя можетъ играть важнѣйшую роль. Каждый изъ нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ преимущества предъ другими, а въ иныхъ имъ уступаетъ.

Кавалерія не способна къ пальбѣ и къ оборонительнымъ дѣйствіямъ, но ей безспорно принадлежитъ высшая степень наступательной силы. Противъ атакъ кавалеріи, другія войска принуждены ограничиваться пассивною обороною. Наоборотъ *артиллерія*, при совершенной неспособности къ рукопашному бою, производитъ самую разрушительную пальбу, противъ которой другія войска безсильны. Батарея изъ 8-ми легкихъ орудій, имѣющая во всемъ своемъ составѣ едва $\frac{1}{4}$ часть людей пѣхотнаго баталіона (собственно у орудій $\frac{1}{20}$), можетъ стрѣлять полными, разрывными и мелкими снарядами, и огонь ея, по соображенію Клаузевица, *трое* губительнѣе пальбы цѣлаго баталіона. Въ сраженіи, артиллерія, разстраивая непріятеля издали, приготовляетъ успѣхъ атаки другихъ войскъ или способствуетъ упорной ихъ оборонѣ. Она возвышаетъ духъ своей арміи и потрясаетъ его у противника.

Пѣхота занимаетъ средину между прочими двумя родами войскъ; ея натискъ слабѣе удара кавалерійской массы и огонь слабѣе артиллерійскаго, но за то она способна къ тому и другому роду дѣйствія, къ наступленію и къ оборонѣ, и къ бою на всякой мѣстности.

По этимъ свойствамъ 3-хъ главныхъ оружій, пѣхота есть наиболѣе *самостоятельное* войско; кавалерія гораздо менѣе, однакожь, она можетъ составить отдѣльный отрядъ, и нерѣдко дѣйствуетъ самостоятельно; артиллерія не имѣетъ никакой самостоятельности. Отдѣльно отъ пѣхоты и кавалеріи, она по своей сущности, даже не есть войско, а многосложная машина, требующая при дѣйствованіи ею особыхъ познаній и опыта, совокупность которыхъ называется *артиллерійскимъ искусствомъ*. Это искусство возвышаетъ артиллерию на степень ученаго и спеціальнаго оружія. Оно есть главное условіе ея достоинства. Низкая степень спеціальныхъ познаній роняетъ ея значеніе, а при ихъ отсутствіи, она не заслуживаетъ названія артиллеріи.

Присоединеніе артиллеріи къ пѣхотѣ или кавалеріи возвышаетъ силу и самостоятельность, какъ той, такъ и другой, но

сама артиллерія не приобретаетъ этимъ никакой самостоятельности, она нуждается въ особомъ прикрытіи отъ другихъ войскъ, въ ихъ, такъ сказать, опеку, она не должна отъ нихъ удаляться на значительное разстояніе и предназначается собственно для усиленія ихъ дѣйствія и для вспомошествованія ихъ предпріятіямъ. При употребленіи съ другими войсками, артиллерія, своими дальними выстрѣлами, почти всегда открываетъ сраженіе, и она же большею частью оканчиваетъ его канонадою, если бой, равно упорный съ обѣихъ сторонъ, не имѣлъ рѣшительной развязки. При искусномъ употребленіи большаго числа орудій и благопріятныхъ обстоятельствахъ, артиллерія можетъ сдѣлаться на время главнымъ оружіемъ, дать оборотъ всему дѣлу, и исторгнувъ колеблющуюся побѣду изъ рукъ непріятеля, рѣшить участь сраженія. Отъ ней можно ожидать великой пользы и блестящихъ результатовъ; но, въ тоже время, не забывая совѣта Наполеона I-го, должно всегда смотрѣть на орудія, какъ на силу мертвую. Потеря ихъ можетъ быть возвращена первою побѣдою, а сохраненіе ненадежно, когда армія разбита.

При совокупномъ дѣйствіи артиллеріи съ другими войсками, тактика указываетъ цѣль, которой должно достигать посредствомъ артиллеріи, и какъ согласовать ея дѣйствія съ дѣйствіями пѣхоты и кавалеріи, а независимое отъ тактики артиллерійское искусство указываетъ, какъ выполнять ея требованія съ наибольшимъ успѣхомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что содѣйствіе артиллеріи другимъ войскамъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, чрезвычайно важно и полезно, что доля ея участія въ побѣдѣ никакъ не менѣе доли другихъ войскъ, и что она въ составѣ арміи, не только не стоитъ ниже пѣхоты и кавалеріи, но, по своей ученой специальности, даже выше; за всѣмъ тѣмъ, для устраненія ложныхъ сужденій въ теоріи и, что еще важнѣе, вредныхъ послѣдствій на войнѣ, необходимо убѣдиться разъ навсегда въ томъ, что артиллерія есть чисто вспомогательное войско, предназначенное исключительно для содѣйствія другимъ войскамъ пальбою съ дальняго разстоянія, и совершенно неспособное для какой бы то ни было схватки съ непріателемъ.

Это приводитъ насъ къ двумъ важнымъ заключеніямъ:

1) Чѣмъ лучше пѣхота и кавалерія, тѣмъ менѣе такая армія нуждается въ содѣйствіи третьяго, вспомогательнаго войска;

тѣмъ менѣе ей нужно придавать артиллеріи и обратно. Этого правила, извлеченнаго изъ опытовъ войнъ, постоянно держался Наполеонъ,—и

2) Артиллерія, какъ войско вспомогательное, должна въ сраженіи жертвовать своимъ самолюбіемъ въ пользу пѣхоты и кавалеріи, потому что ихъ атаки рѣшаютъ обыкновенно участь битвы. Батарея вообще не должна состязаться съ непріятельскою артиллеріею и даже не отвѣчать на ея огонь, если въ то время можетъ поражать войска, противъ которыхъ ея пѣхота, или кавалерія двигаются въ атаку.

Артиллерія тогда только обязана заставить замолчать батарею противника, когда огонь этой батареи слишкомъ сильно вредитъ нашимъ войскамъ, и останавливая ихъ наступленіе, можетъ разстроить успѣхъ производимой ими атаки. Однимъ словомъ, артиллерія должна постоянно помнить, что она участвуетъ въ сраженіи не столько для собственной славы, сколько для содѣйствія другимъ войскамъ и возвышенія пользы и блеска ихъ подвиговъ. Ея заслуга видна только въ массѣ; подвиги лицъ и частное отличіе каждаго, теряются въ самой громадности ея дѣйствія, а потому артиллерійскій офицеръ въ одномъ только отрядномъ свидѣтельствѣ своей совѣсти и исполненнаго долга находитъ истинную награду своего мужества и искусства.

Артиллерія, для содѣйствія войскамъ *при оборонѣ*, могла бы употреблять орудія одного только калибра и одинаковой конструкціи, потому что въ этомъ случаѣ, пальба, производимая съ мѣста и не подчиненная никакому особому тактическому условію, зависитъ отъ однихъ правилъ артиллерійскаго искусства. Иначе бываетъ *при наступленіи*. Тогда одни орудія должны оставаться на позиціи, и, поражая непріятели съ дальней дистанціи, приготавливаютъ успѣхъ атаки, между тѣмъ, какъ другія орудія, сопровождая наступающія войска, опереживаютъ ихъ, отъ времени до времени (сколько это возможно), для пальбы съ болѣе и болѣе близкаго разстоянія. По этой причинѣ, артиллерія раздѣляется на батареиную и легкую (*).

(*) Слово *батарея* имѣетъ тройкій смыслъ; оно значитъ: 1) Соединеніе известнаго числа орудій для одновременнаго дѣйствія пальбою. 2) Соединеніе известнаго числа орудій, составляющее тактическую единицу постояннаго раздѣленія артиллеріи, и, наконецъ, 3) Искусственное прикрытіе орудій. Ни въ одномъ изъ этихъ значеній нѣтъ идеи какого либо опредѣленнаго ка-

Само собою разумѣется, что батарейныя орудія требуютъ большаго числа лошадей, чѣмъ легкія, но математическій расчетъ можетъ опредѣлять только условія равной подвижности тѣхъ и другихъ въ походѣ, а не самое число лошадей. Это число зависитъ отъ наибольшей подвижности, къ которой орудіе должно быть способно, слѣдовательно, не отъ математическаго расчета, а отъ тактическихъ соображеній; не отъ походныхъ условій, а непремѣнно отъ боевыхъ. Въ бою отъ каждаго войска требуется несравненно большей быстроты движенія, чѣмъ въ походѣ, слѣдовательно, походныя и боевыя требованія могутъ быть выражены вмѣстѣ, вотъ какъ: «Артиллерія должна имѣть *по меньшей мѣрѣ* такую подвижность, чтобы ни въ какомъ случаѣ не отставать отъ того рода войскъ, которому содѣйствуетъ въ сраженіи».

Не отставая въ бою, она не отстанетъ и въ походѣ. А какъ пѣхота и кавалерія имѣютъ весьма различную боевую подвижность, то этимъ обуславливается второе и главное въ тактическомъ отношеніи раздѣленіе артиллеріи на конную и пѣшую (*).

либра, или вѣса орудій. Какъ для временной, такъ равно для постоянной цѣли, можно соединять орудія всякаго калибра: располагать за прикрытіемъ, или, какъ говорится, ставить на батареи тоже самое; слѣдовательно, какой же смыслъ имѣютъ употребляемые у насъ названія *батарейнов* орудіе, *батарейная* батарея, или *батарейная* артиллерія? Эти названія ничего неозначаютъ и ничего не опредѣляютъ. Между тѣмъ, по логическому понятію, *легкость* значитъ *меньшую* тяжесть и *легков* орудіе, *легкая* батарея, *легкая* артиллерія, суть названія, заставляющія предполагать, что есть также *тяжелов* орудіе, *тяжелая* батарея и *тяжелая* артиллерія. Все это дѣйствительно существуетъ у насъ, такъ почему жъ бы не употреблять этихъ названій, чисто русскихъ, логичныхъ и обще-понятныхъ?

(*) Технические названія важны въ каждой наукѣ, особенно же въ тактикѣ, какъ тактика, въ которой все примѣняется къ дѣлу. Тутъ каждое техническое слово должно выражать то понятіе, для котораго оно составлено. Въ этомъ смыслѣ, названія двухъ родовъ артиллеріи не удовлетворительны. Артиллерія, это *орудія*, а не прислуга, слѣдовательно, пѣшей артиллеріи не существуетъ; всякая полевая артиллерія непремѣнно *конная*, потому что употребляетъ *коней* въ упряжь. Исключительное присвоеніе только одному роду артиллеріи названія конной, даетъ поводъ искать въ ней какого-то кавалерійскаго элемента, спорить о томъ, пужень этотъ элементъ, полезенъ ли онъ, или вреденъ для другаго элемента, собственно артиллерійскаго? Въ пѣхотѣ никто не ищетъ другаго элемента, кромѣ пѣхотнаго, и въ кавалеріи всѣ находятъ одинъ только кавалерійскій элементъ, потому что названія этихъ войскъ правильны и логичны. Почему жъ бы не говорить ясно и отчетливо: 1) *тяжелая батарея такой-то пѣхотной дивизіи* или 2) *легкая батарея такой-то кавалерійской дивизіи*, а въ общемъ смыслѣ: ар-

Опредѣливъ предѣлъ *наименьшей*, постараемся найти и предѣлъ *наибольшей* подвижности артиллеріи. Предѣла этого надѣискать не для *прислуги*, а для *орудій*, потому что ускореніе движенія прислуги безъ орудій совершенно бесполезно и вся сущность вопроса заключается именно въ передвиженіи съ наибольшею быстротою такой неудобной повозки, какъ орудіе. Между тѣмъ, весьма желательно, чтобы эта повозка могла опереживать войска при наступленіи. Пѣшая артиллерія, при достаточномъ числѣ упряжныхъ лошадей, при сноровкѣ прислуги и средствахъ, облегчающихъ ея движеніе, всегда можетъ опередить пѣхоту и дѣйствительно опереживать ее. Въ конной артиллеріи, прислуга, двигаясь въ разсыпную, можетъ опередить сомкнутую кавалерію, но орудія, даже при самомъ большомъ числѣ упряжныхъ лошадей, едва могутъ поспѣвать за нею, а на мѣстности нѣсколько пересѣченной непременно отстанутъ. Слѣдовательно, предѣлъ не только наименьшей, но и наибольшей подвижности конной артиллеріи ограничивается тѣмъ, чтобы она при боевыхъ движеніяхъ не отставала отъ кавалеріи. Объ опереживаніи тутъ и рѣчи быть не можетъ, если оба рода войскъ одинаково сохранили своихъ лошадей отъ изнуренія. Въ кампаніи же, конно-артиллерійскія лошади скорѣе изнуряются, чѣмъ кавалерійскія.

Каждый родъ войска тогда только приноситъ дѣйствительную пользу, когда онъ употребляется согласно съ его тактическимъ назначеніемъ, устройствомъ, духомъ, мѣстностью и обстоятельствами. Неожиданный успѣхъ какого либо дѣйствія, противнаго правиламъ теоріи и указаніямъ опыта, доказываетъ только рѣшимость характера въ начальникѣ, его смѣлость и счастье. Напротивъ того, открытіе ошибокъ противника, предумышленное исхода таинственной игры нравственныхъ элементовъ, вообще же, особая уваженія или случайности, обсуженныя прежде дѣйствія и принятая за основаніе разсчета, не только оправдываютъ отступленія отъ общихъ правилъ, но иногда даже свидѣ-

тиллерія пѣхоты или артиллерія кавалеріи. Отбросивъ слова пѣшая и конная (артиллерія), можно бы устранить много поводовъ къ пустымъ спорамъ и неосновательнымъ сужденіямъ.

тельствуютъ о высшемъ военномъ взглядѣ и высшей степени искусства вождей.

Суворовъ атаковалъ кавалерією турецкія укрѣпленія; Наполеонъ приказалъ польскимъ уланамъ атаковать подѣ Соммо-Сьеррою крутую гору, обстрѣливаемую артиллерією, противъ которой троекратное наступленіе французской пѣхоты оказалось тщетнымъ; полковникъ Никитинъ, съ малочисленною конно-артиллерійскою прислугою, бросился на французскую пѣхотную колонну подѣ Краснымъ и вогналъ ее въ городъ; и всѣ эти дѣйствія увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Это подвиги знаменитые, заслуживающіе справедливаго удивленія, но это исключительные факты, которыхъ отнюдь не должно считать примѣрами для подражанія. Тѣже самыя обстоятельства едва ли могутъ повториться, характеръ вождя и его искусство не допускаютъ никакой копіи (съ оригинала, отъ котораго остались лишь нѣкоторыя черты), а потому несоблюденіе общихъ тактическихъ правилъ, есть всегда важная ошибка, дѣйствіе легкомысленное или безразсудное, послѣдствіями котораго бываютъ напрасная трата людей, недостиженіе предположенной цѣли и нерѣдко поразженіе.

Кромѣ общихъ нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для всей арміи, каждая часть оной должна имѣть наиболѣе соответствующее ея назначенію нравственное настроеніе. Въ сраженіи, всякое войско дѣйствуетъ *въ боевой и опасной средѣ*, но дѣйствія ихъ различны, по тактической *цѣли* и по самому *производству боя*. Опасность невольно пробуждаетъ мысль о самоохраненіи; цѣль дѣйствія воспаляетъ хорошее войско возвышеннѣйшими чувствами: воинской славы, чести, сознанія долга и народной гордости; а производство или механизмъ боя, болѣе или менѣе волнуетъ кровь и возбуждая болѣе или менѣе сильные порывы страстей, отстраняетъ мысль объ опасности. Совокупное вліяніе этихъ трехъ нравственныхъ элементовъ даетъ начало особымъ, въ каждомъ родѣ войска, военнымъ доблестямъ. Тутъ отнюдь не надо смѣшивать понятій, не увлекаться поэтическими мечтами и не вводить ихъ въ теорію военнаго искусства, основанную на началахъ чисто практическихъ. Каждый родъ войска имѣетъ свойственные ему подвиги и доблести, другихъ отъ него требовать не слѣдуетъ и къ другимъ подстрекать его не должно; хотя бы въ этомъ было сколько угодно поэзии. Въ военномъ дѣлѣ прежде всего нужна практическая польза и строгая логика.

Впрочемъ, въ кипучей дѣятельности сраженія, каждому роду войскъ открывается довольно обширное поле къ полезной заслугѣ, отличію и славѣ: *sunt cuique*.

Для ближайшаго разсмотрѣнія этого предмета, обратимъ вниманіе на составныя части сраженія: простой бой и движеніе.

Простымъ боемъ я называю бой при одинаковыхъ условіяхъ; поединокъ большаго размѣра, или процессъ взаимнаго истребленія, безъ перемѣны мѣста, занимаемаго каждымъ изъ противниковъ (*). Простой бой имѣетъ двѣ тактическія формы, смотря по оружію; при холодномъ онъ называется атакою (схватка, сѣча) и происходитъ на одномъ мѣстѣ; при огнестрѣльномъ носитъ названіе перестрѣлки или канонады и происходитъ на извѣстномъ разстояніи. Эти двѣ формы имѣютъ 4 проявленія или вида:

- 1) Встрѣча двухъ пѣхотныхъ отрядовъ или рукопашный бой.
- 2) Встрѣча двухъ кавалерій или ударъ (*choc*).
- 3) Перестрѣлка между двумя пѣхотными отрядами, и
- 4) Взаимная канонада двухъ артиллерій.

Цѣль простаго боя таже самая, что и сложнаго или сраженія: причинить противнику наибольшій вредъ съ наименьшимъ для себя ущербомъ.

По сущности простаго боя, въ немъ нѣтъ ни атакующаго, ни обороняющагося; обѣ стороны одинаково заняты взаимнымъ истребленіемъ и обѣ напрягаютъ всѣ свои силы, какъ физическія, такъ и нравственныя, могущія имѣть вліяніе на развязку боя. При одинаковомъ оружіи и при отсутствіи передвиженій, *крайняя* усилія не могутъ имѣть различнаго характера; атака и оборона существуютъ только въ сложномъ боѣ или въ сраженіи.

(*) Это опредѣленіе простаго боя выключаетъ изъ него слѣдующіе случаи: 1) ударъ кавалеріи, не остановленной огнемъ пѣхоты, 2) атаку пѣхоты, не остановленной огнемъ артиллеріи, 3) канонаду артиллеріи противъ разсыпанной пѣхоты и 4) пальбу сомкнутой пѣхоты противъ артиллеріи, потому что въ первомъ случаѣ опрокинутая пѣхота и во второмъ атакующая артиллерійская прислуга почти неспособны къ сопротивленію, а въ третьемъ дѣйствіи артиллеріи и въ четвертомъ пѣхоты было бы безразсудно. Наступленіе подъ огнемъ есть *движеніе*, а не бой; безотвѣтныя пальба тоже не бой.

Между двумя формами простаго боя не трудно замѣтить большую разницу и почти противоположность, а именно:

Въ моментъ удара и схватки двухъ пѣхотныхъ или кавалерійскихъ отрядовъ, оба противника находятся на одномъ мѣстѣ; слѣдовательно, вліяніе мѣстности одинаково; оно, такъ сказать, отстраняется. Напротивъ того, въ бою огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ вредъ, причиняемый непріятелю, такъ и собственный уронъ, весьма много зависятъ отъ свойствъ мѣстности, занятой каждымъ изъ противниковъ.

Въ бою холоднымъ оружіемъ, особенно нужна физическая сила, ловкость и поворотливость; въ бою огнестрѣльнымъ оружіемъ нуженъ покой; тутъ тѣлесныя преимущества имѣютъ ничтожное значеніе и все зависитъ отъ науки, искусства и навыка.

Наконецъ, въ рукопашномъ бою нужно одушевленіе, порывъ страстей, смѣлость и храбрость; въ огнестрѣльномъ бою все это бесполезно, всякое душевное волненіе вредно; здѣсь требуется хладнокровіе, терпѣливое выжиданіе удобнаго момента для производства выстрѣла и умственное соображеніе. Однимъ словомъ, для одного рода боя необходимо одушевленное (активное), для другаго спокойное (пассивное) настроеніе каждаго изъ бойцевъ. Примѣнимъ это къ бою значительнаго числа людей или дѣйствию массы.

Спокойное настроеніе не имѣетъ рѣзкихъ наружныхъ знаковъ; его трудно различить отъ внутренняго волненія, обыкновенно скрываемаго. Ни то, ни другое не сообщается другимъ съ особенною, неодолимою силою; слѣдовательно, масса людей вообще всегда готова начать пальбу и даже тѣмъ охотнѣе, тѣмъ скорѣе открываетъ ее, чѣмъ болѣе ея внутреннее безпокойство.

Напротивъ того, одушевленіе всегда проявляется внаружу; оно пылко, видимо, почти осязательно; оно сообщается другимъ и имѣетъ увлекающую силу. Къ сожалѣнію, въ моментъ опасности, является и другое настроеніе, совершенно противное первому; оно также выступаетъ внаружу; оно торопливо, видимо, заразительно и съ неодолимою силою увлекаетъ другихъ. Между тѣмъ, чтобы масса людей вступила въ схватку, необходима единодушная воля всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, такого большинства, которое могло бы увлечь остальныхъ, а это не легко. Опытъ доказываетъ, что къ тому способны одни лишь отличныя вой-

ска, п что такая рѣшимость большинства зависить съ одной стороны отъ народнаго характера, а съ другой отъ характера войны, случая и обстоятельствъ. Вотъ почему натискъ штыками и ударъ кавалеріи такъ рѣдки на войнѣ, и обыкновенно одна сторона уклоняется отъ рѣшительнаго столкновенія.

Естественно, что подъ вліяніемъ такихъ противоположностей, должны проявляться въ этихъ двухъ формахъ простаго боя не только не одинаковые, но совершенно различные по своему характеру военные подвиги и доблести; въ бою холоднымъ оружіемъ: молодечество, лихая удаля, предприимчивая смѣлость, рыцарская отвага и т. п.; въ огнестрѣльномъ: стойкость, непоколебимое спокойствіе духа, пассивная храбрость и самоотверженіе. Высшая степень тѣхъ и другихъ доблестей называется одинаково: неустрашимостью, мужествомъ или героизмомъ, но одинаковое названіе даетъ имъ только равное значеніе и ту же самую славу, отнюдь не измѣняя существеннаго различія между активнымъ характеромъ однихъ и пассивнымъ свойствомъ другихъ. Вообще всѣ великіе воинскіе подвиги и доблести въ равной мѣрѣ достославны, въ равной мѣрѣ цѣнятся правительствомъ, современниками и потомствомъ, но смѣшивать съ собою разнородныя понятія противно логикѣ и вредно. Предположимъ, для примѣра, что пѣхотная колонна вступила въ схватку съ непріателемъ безъ одушевленія, безъ порыва страстей, но съ полнымъ спокойствіемъ, съ рѣшимостью наносить удары хладнокровно и всегда съ расчетомъ; что же выйдетъ? она будетъ разбита, именно потому, что, перемѣшавъ понятія, добивалась не свойственныхъ ея назначенію доблестей. Обратнo представимъ себѣ артиллерію, производящую пальбу безъ полнаго спокойствія духа, не считающую хладнокровно каждый выстрѣлъ, но дѣйствующую подъ вліяніемъ волнующихъ ее страстей, молодецки жертвующую собою, пренебрегающую прикрытіемъ мѣстности, стрѣляющую съ энергическою поспѣшностью, безъ соблюденія правилъ искусства и осторожности, — и опять спросимъ, чѣмъ все это кончится? Конечно, неудачею и напрасною тратою людей. Коротко сказать, такіа дѣйствія сомкнутой пѣхоты или артиллеріи были бы одинаково жалки и безразсудны. Первое врядъ ли можетъ случиться, но второе, къ сожалѣнію, нельзя причислить даже къ рѣдкимъ примѣрамъ. Оно случается болѣе или менѣе въ артиллеріяхъ всѣхъ армій, и отнюдь не отъ малодушія, а напротивъ отъ

неумѣстнаго молодечества и неумѣстной отваги. Разсмотримъ это ближе.

Рукопашный бой есть дѣйствіе естественное. Желаніе побороть противника, опрокинуть врага, врожденно человѣку. Условія, для этого нужныя, понимаетъ каждый, а что еще важнѣе, въ минуту боя никто о нихъ не думаетъ, увлекаясь порывами кипучихъ страстей. Въ схваткѣ обнаруживаются всегда или тѣ доблести, которыя свойственны этому роду боя, или отсутствіе ихъ, называемое малодушіемъ и трусостью, но противныхъ духу этого боя понятій и чувствъ не бываетъ.

Въ противоположность натуральному характеру рукопашной схватки, огнестрѣльный бой составляетъ что-то искусственное, хитро придуманное, и какъ бы не чисто воинственное. Это понятіе зароняется въ душу не только простаго солдата, но и образованнаго человѣка, и чѣмъ народъ отъ природы храбрѣе, тѣмъ болѣе оно въ немъ развито. У насъ оно выразилось общимъ усвоеніемъ поговорки Суворова: «пуля дура, штыкъ молодець». Безъотчетное вѣрованіе въ эти слова, которымъ знаменитый полководецъ не думалъ придавать смыслъ безусловнаго правила, продолжалось долго, казалось намъ однимъ изъ началъ славы русскаго оружія и однимъ изъ требованій народной чести. Обаятельность этого настроенія и нынѣ еще не вошла въ границы, въ которыхъ оно дѣйствительно полезно.

Переставъ говорить о всемогуществѣ штыка, мы теперь внесимъ въ сферу огнестрѣльнаго дѣйствія понятія, свойственныя одному рукопашному бою, повторяя прежнее, только въ другой формѣ. Это странно и вредно, но объясняется тѣмъ, что изъ всѣхъ военныхъ доблестей, для насъ наиболѣе заманчивы тѣ, которыя обнаруживаются въ рукопашномъ бою (*).

Это настроеніе столько же полезно въ линейной пѣхотѣ и въ кавалеріи, сколько неосновательно въ стрѣлковыхъ войскахъ и въ артиллеріи; а потому, въ теоріи военнаго искусства, никакое подстреканіе стрѣлковъ и артиллеріи къ подвигамъ личной храбрости, молодечества, лихой удали, предприимчивой отваги

(*) Это общечеловѣческая черта. Всѣ великія эпопеи воспѣвали подвиги личной храбрости. Послѣ введенія огнестрѣльнаго боя, эпическій гевій не могъ подняться выше Гевриады и подобныхъ ей поэмъ; онъ исчезъ изъ литературы.

и т. д. не можетъ быть допущено. Огнестрѣльный бой требуетъ изъ душевныхъ качествъ одного только непоколебимаго спокойствія, среди опасности, но развѣ этого мало для самаго даже обширнаго честолюбія? Вѣдь это, другими словами, — высокое сознание долга, самопожертвованіе, неустрашимость, пассивная храбрость и мужество до героизма!

Простой бой сопряженъ для всякой артиллеріи (пѣшей и конной) съ наибольшими затрудненіями и даже съ наибольшею опасностію, а потому требуетъ съ ея стороны наибольшаго развитія искусства и доблестныхъ качествъ. Прочіе случаи ея дѣйствія могутъ быть вообще и важнѣе и полезнѣе въ тактическомъ отношеніи, но они не такъ трудны и опасны какъ простой бой. Когда артиллерія поражаетъ непріятельскую пѣхоту или кавалерію, неподвижно стоящія на позиціи или производящія боевыя движенія на отдаленномъ пунктѣ, или отступающія въ арріергардѣ противника, тогда она сама не подвергается никакакой опасности и не терпитъ урона; а въ рѣдкихъ довольно случаяхъ, когда непріятельская конница или пѣхота двигаются противъ нее въ атаку, опасность конечно существуетъ, но она отдаленная, невѣрная и можетъ быть отвращена смертоноснымъ огнемъ орудій и прикрывающими ихъ войсками, а между тѣмъ артиллерія не подвергается никакому урону и свободно направляетъ свои выстрѣлы. Тоже самое бываетъ, только съ меньшею опасностію, когда батарея дѣйствуетъ противъ непріятельскаго авангарда, преслѣдующаго войска, съ которыми она отступаетъ. Слѣдовательно, тѣ пассивныя доблести, которыя необходимы для артиллеріи въ простомъ артиллерійскомъ бою, достаточны и для всѣхъ прочихъ случаевъ боя.

Нѣтъ сомнѣнія, что тѣже самыя пассивныя доблести необходимы и для каждаго пѣхотнаго стрѣлка, но онъ человѣкъ простой, мало образованный и сверхъ того предоставленъ самому себѣ. Можно ли удивляться, если онъ, увлекшись молодечествомъ или отвагою, вдастся въ рукопашную схватку, пренебрежетъ прикрытіемъ мѣстности, подойдетъ слишкомъ близко къ непріятелю, стрѣляетъ поспѣшно и вообще подвергаетъ себя опасности, безъ разбора и безъ пользы? Другое дѣло въ артиллеріи. Какъ пѣшею, такъ и конною батареею, управляютъ офицеры, специально образованные, которымъ непростительно подвергать людей опасности, безъ видимой пользы или необходимости; это не молодечество и не отвага, это явное пренебреженіе жизнью

солдатъ и матеріальною частью батареи; это есть облегченіе противнику враждебнаго дѣйствія; однимъ словомъ: это преступленіе. Артиллерія азіятскихъ народовъ можетъ гоняться за такимъ молодечествомъ, но въ европейской арміи оно лишаетъ офицера права на почетное званіе артиллериста.

Боевое движеніе бываетъ двоякое: наступательное или отступательное. Первое предполагаетъ со стороны войска намѣреніе вступить въ бой на какомъ либо пунктѣ, подкрѣпить уже начатый бой, возобновить не удавшійся, атаковать вдругъ какую либо точку, угрожать атакою или преслѣдовать разбитаго непріятеля; вообще же цѣль *положительную*. Второе предпринимается для прекращенія неуспѣшнаго боя, для избѣжанія значительнаго урона или пораженія, и вообще съ цѣлью *отрицательною*. Общій характеръ того и другаго заключается въ слѣдующемъ.

Во все продолженіе боеваго движенія, движущаяся часть, не нанося непріятелю никакого вещественнаго вреда, находится сама безъ обороны противъ быстрой атаки холоднымъ оружіемъ, или же подвергается безотвѣтному и напрасному урону отъ смертоноснаго огня противника. Уронъ этотъ, сопровождаемый большимъ или меньшимъ упадкомъ нравственной силы, всегда бываетъ чувствителенъ; а при нынѣшней дальности и мѣткости ручнаго и тяжелаго огнестрѣльнаго оружія, можетъ быть весьма великъ. Изъ наступающихъ войскъ, большая часть людей можетъ быть перебита, остальные принуждены будутъ отступить и безуспѣшное движеніе обратится въ разгромъ выдвинутой части. При отступленіи изъ боя, значительный уронъ неизбѣженъ; а послѣ проиграннаго сраженія, отступающій подвергается обыкновенно наибольшимъ потерямъ. Тутъ то преслѣдующій пользуется побѣдою и довершаетъ пораженіе противника.

Изъ этого видно, что польза и важность каждаго боеваго движенія сопряжены всегда съ нѣкоторымъ ущербомъ или вредомъ и часто, тѣмъ важнѣе ожидаемая польза, тѣмъ чувствительнѣе бываетъ и вредъ. Слѣдовательно, такое движеніе должно предпринимать не иначе, какъ взвѣсивъ важность ожидаемой отъ него пользы съ неудобствомъ вѣроятнаго вреда.

Но чѣмъ скорѣе будетъ достигнута польза, тѣмъ лучше; и чѣмъ непродолжительнѣе слѣдованіе, тѣмъ менѣе происходящій отъ того вредъ; стало быть, всякое боевое движеніе необходимо совершить по возможности въ кратчайшее время; разумѣтся, безъ разстройства порядка движущейся части. Такимъ образомъ, для полной удовлетворительности боеваго движенія, существенно нужны только два условія: *быстрота* и *сохраненіе строя*.

Быстрота движенія зависитъ отъ рода войска, его строя и характера мѣстности; но вообще большая или меньшая скорость есть условіе чисто механическое, не заключающее въ себѣ никакого нравственнаго элемента. Напротивъ того, сохраненіе строя подъ выстрѣлами и вообще въ районѣ опасности, требуетъ особыхъ душевныхъ качествъ. Какихъ именно?—это обнаружить разборъ разныхъ родовъ строя.

Строй соотвѣтствуетъ тому роду боя, къ которому войско предназначено и бываетъ троякій: рассыпной, сомкнутый и средній между ними, артиллерійскій.

Рассыпной строй пѣхоты подвергаетъ ее при боевыхъ движеніяхъ наименьшему урону. Движеніе можетъ быть довольно скорое, а совершаясь при томъ на пересѣченной мѣстности, дозволяетъ каждому стрѣлку не только прикрываться отъ непріятеля, но и поражать его, отъ времени до времени, выстрѣломъ. Что же касается кавалеріи, то, въ рѣдкихъ случаяхъ употребленія ея въ рассыпную, она, по самой быстротѣ движенія въ этомъ строѣ, избѣгаетъ большихъ потерь.

Сомкнутый строй пѣхоты и кавалеріи (особенно глубокій) представляетъ большую цѣль выстрѣламъ и замедляя скорость движенія, требуетъ однакожь его безъостановочности. А какъ движеніе совершается обыкновенно на мѣстности, довольно ровной, то этотъ строй подвергаетъ войска, по мѣрѣ своей глубины, весьма большой опасности отъ огнестрѣльнаго дѣйствія непріятеля, и частью отъ внезапныхъ атакъ холоднымъ оружіемъ.

Артиллерійскій строй, въ отношеніи плотности массы, есть средній между сомкнутымъ и рассыпнымъ, но онъ представляетъ важное неудобство большаго числа повозокъ и лошадей.

Артиллерія обыкновенно претерпѣваетъ уронъ, равносильный потерямъ пѣхоты или кавалеріи, съ которыми слѣдуетъ, съ тѣмъ, однакожь, различіемъ, что разстройство артиллеріи во вре-

мя боеваго движенія вреднѣе для успѣха предстоящаго ей дѣйствія, чѣмъ равносильный уронъ, для сопровождаемаго ею войска.

Сохраненіе строя въ боевомъ движеніи на извѣстной мѣстности, главнѣйше зависитъ: 1) отъ уставнаго обученія; 2) отъ продолжительности движенія и 3) отъ нравственнаго настроенія войска.

I. Обученіе войскъ по уставу имѣетъ цѣлью соединеніе возможной стройности съ свободою и быстротою движенія. Въ прежнее время, старались преимущественно достигнуть стройности, но опытъ не замедлилъ обнаружить важность двухъ остальныхъ условій, а потому теперь въ кавалеріи обращается особое вниманіе на развитіе силы, быстроты и неутомимости лошадей, а въ пѣхотѣ вводится гимнастика и свободный ускоренный шагъ.

Въ артиллеріи, которая не назначена для атакъ холоднымъ оружіемъ, стройность боеваго движенія не имѣетъ никакой существенной важности, а между тѣмъ уменьшаетъ его быстроту. Ограничивъ въ нѣкоторой мѣрѣ требованія стройности, можно бы увеличить боевую подвижность и выиграть время для спеціальныхъ артиллерійскихъ занятій. На сколько такой результатъ возможенъ? — это вопросъ чисто практическій, въ которомъ *a priori* можно сдѣлать только предположеніе.

Наше заключается въ слѣдующемъ:

Орудія и ящики должны соблюдать надлежащія между собою дистанціи, но едва ли необходимо, чтобы разстоянія между ними были опредѣлены шагами, и чтобы между повозками сохранялось равеніе. Пѣшая прислуга и нынѣ движется свободно, лишь бы каждый канониръ былъ на своемъ мѣстѣ; конная могла бы неимѣть кавалерійской посадки, манежной выправки и кавалерійскаго духа, лишь бы каждый канониръ умѣлъ быстро вскочить на лошадь и соскочить съ нее, сидѣлъ бы крѣпко въ сѣдлѣ и свободно владѣлъ лошадыю на всемъ скаку. Для этого не столько нужно обученіе, сколько навыкъ. Всякій мальчишкѣ на Дону способенъ къ тому, хотя ему далеко до кавалерійскаго совершенства.

Излагая это предложеніе, мы не отвергаемъ стройности движенія въ артиллеріи; напротивъ, по нашему мнѣнію, стройность полезна въ каждомъ родѣ войска (потому уже, что оно войско)

но она необходима въ такой мѣрѣ, чтобы требующееся для того обученіе не препятствовало усовершенствованію войска въ другихъ, болѣе важныхъ отношеніяхъ. Легкая пѣхота хотя и предназначена преимущественно къ разсыпному дѣйствію, не требующему стройности, должна, однакожь, быть приучена къ правильному движенію въ сомкнутомъ строѣ, потому, что она употребляется иногда вмѣсто линейной: но артиллерія (какъ пѣшая, такъ и конная) имѣетъ для боя одинъ только строй и одно только средство, — пальбу, успѣхъ которой не зависитъ отъ особенной стройности предшествовавшаго движенія. Артиллерія прежде всего должна быть спеціальнымъ оружіемъ, а для этого нужно много трудовъ. Ежели и за сямъ останется ей время, то почему же не употребить его на приобрѣтеніе стройности движенія.

II. Продолжительность быстро наступательнаго движенія сомкнутой пѣхоты или кавалеріи всегда болѣе или менѣе нарушаетъ правильность ихъ строя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, утомляя людей и лошадей, уменьшаетъ вѣроятность успѣха атаки холоднымъ оружіемъ. По этой причинѣ, быстрое движеніе пѣхотной колонны, идущей въ атаку, начинается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ противника, а кавалерія переходитъ въ каррьеръ на такомъ разстояніи, чтобы при столкновеніи съ неприятелемъ имѣть наибольшую стремительность и силу удара.

Артиллерія, предназначенная исключительно для огнестрѣльнаго боя, не требующаго сбереженія физическихъ силъ на одинъ рѣшительный ударъ, можетъ двигаться съ равномерною скоростью и должна преслѣдовать разстояніе отъ одной позиціи до другой въ самое кратчайшее время. Для того нужно: 1) наибольшее сокращеніе продолжительности движенія, и 2) ограниченіе проходимаго разстоянія, мѣрою дѣйствительной необходимости. Первое достигается быстротою слѣдованія, второе сдѣлается артиллерійскимъ искусствомъ. Точность этого опредѣленія зависитъ отъ спеціальнаго образованія офицеровъ, отъ ихъ опытности и отъ степени вниманія, обращаемаго ими на этотъ предметъ. Такъ какъ вопросъ о мѣрѣ необходимаго выдвиганія батареи при наступленіи есть одинъ изъ важнѣйшихъ для тактики артиллеріи, то рассмотримъ его ближе.

Выносясь впередъ, для пораженія неприятеля извѣстнымъ родомъ снарядовъ, батарея (пѣшая или конная) въ тоже время са-

ма подвергается опасности и тѣмъ большому урону, чѣмъ далѣе она выдвинется впередъ. Пораженіе непріятеля необходимо; уронъ неизбѣженъ. Одно должно быть по возможности большее, другое по возможности меньшее. Одно есть условіе главное, долгъ службы, чести и науки; другое, уваженіе второстепенное, но, также долгъ службы и науки. То и другое зависитъ отъ величины разстоянія, на которое батарея выдвинется впередъ. Вотъ сущность задачи.

Если батарея проскачетъ все разстояніе, отдѣляющее ее отъ непріятеля, и откроетъ пальбу *въ упоръ*, то всѣ ея выстрѣлы будутъ дѣйствительны. Она нанесетъ противнику наибольшее поражение, но въ тоже время подвергнетъ себя наибольшей опасности и можетъ быть истреблена другими непріятельскими войсками. Это дѣйствіе молодецкое, предпримчиво отважное, но оно не артиллерійское и даже не разумное.

Наоборотъ, если батарея не донесется до той позиціи, въ которой снаряды начинаютъ досягать до непріятеля, то всѣ ея выстрѣлы будутъ не дѣйствительны. Она не причинитъ противнику никакого вреда, но и сама не подвергнется никакой опасности, не понесетъ никакого урона. Такое дѣйствіе батареи было бы малодушное и преступное, и опять не артиллерійское и неразумное.

Между этими двумя крайностями, артиллерія всегда можетъ и должна найти средину, соотвѣтствующую требованіямъ службы, чести и науки. Артиллерійское искусство, свойства мѣстности и военный опытъ укажутъ между точкою, съ которой начинается досягаемость извѣстнаго снаряда, и расположеніемъ непріятеля, такую среднюю позицію, откуда батарея можетъ нанести противнику наибольшій вредъ съ наименьшимъ для себя урономъ, что и называется расположеніемъ батареи на *дѣйствительный выстрѣлъ*. Такая позиція для извѣстнаго снаряда и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть только одна, слѣдовательно выраженія: *подѣхать на самый дѣйствительный выстрѣлъ, на ближайшій, хорощій* (или съ другими прилагательными) *выстрѣлъ*, совершенно не основательны, и даже ничего не опредѣляютъ, по тому что послѣ каждаго шага, сдѣланнаго батареею впередъ, ея выстрѣлъ *лучше и дѣйствительнѣе*, а *ближайшій* или *самый дѣйствительный* тотъ, который сдѣланъ въ упоръ.

Съ разстоянія дѣйствительнаго выстрѣла (опредѣленнаго по правиламъ искусства), батарея, при надлежащемъ обученіи людей, можетъ производить весьма губительную пальбу, не имѣя надобности подлѣзжать ближе къ противнику.

На практическихъ ученьяхъ, въ мирное время, при стрѣльбѣ ядрами во всю мишень, съ разстоянія 450 сажень для батарейныхъ и 400 сажень для легкихъ орудій (то есть съ большихъ дистанцій) попадаетъ половина выстрѣловъ; на войнѣ такой мѣткости требовать невозможно, и никто этого не домогается. Но если орудія расположены согласно съ свойствами мѣстности, если люди и офицеры приобрѣли отличный навыкъ въ опредѣленіи разстоянія и, наконецъ, если каждый выстрѣлъ производится по правиламъ артиллерійскаго искусства, то можно ожидать, что съ дальней дистанціи $\frac{1}{3}$ выстрѣловъ будутъ дѣйствительные.

Ядро или граната можетъ вывести изъ пѣхотной колонны 30 человекъ (въ кавалеріи 15 лошадей); картечный выстрѣлъ еще болѣе.

Нѣтъ сомнѣнія, что такіе удачные выстрѣлы очень рѣдки, но при стрѣльбѣ въ колонну, отъ артиллеріи можно требовать, чтобы въ общемъ итогъ дѣйствительныхъ выстрѣловъ, приходилось на каждый, въ среднемъ результатѣ, 12 человекъ, выведенныхъ изъ строя или по меньшей мѣрѣ 9 человекъ.

Наконецъ, изъ опыта извѣстно, что хорошо обученная прислуга, прицѣливая всегда орудіе, можетъ сдѣлать изъ него три выстрѣла въ минуту (безъ прицѣливанія 6).

По приведеннымъ тремъ даннымъ и предположивъ силу пѣхотнаго баталіона въ военное время 800 — 700 человекъ, найдемъ, что батарея изъ 8 орудій, дѣйствуя съ дальней дистанціи, противъ баталіонной колонны, выведетъ изъ ней въ одну минуту: $8 \times 3 \times \frac{1}{3} \times 9 = 72$ человекъ, а въ 5 минутъ 360 человекъ.

Истребленіе половины баталіонной колонны, въ такое короткое время, и нравственное впечатлѣніе на остальную половину, это такой разгромъ, послѣ котораго баталіонъ можно въ тактическомъ смыслѣ считать уничтоженнымъ.

Хотя требованія $\frac{1}{3}$ части дѣйствительныхъ выстрѣловъ, и менѣе, чѣмъ трети, полнаго дѣйствія отъ cadaго успѣшнаго выстрѣла, не заключаютъ въ себѣ ничего мечтательнаго для артил

лерии, отлично знающей свою специальность, но, положимъ, что это трудно, что батарея сдѣлаетъ только *половину* требуемаго, то и тогда для ней нужно не болѣе 10 минутъ; а если сдѣлаетъ только $\frac{1}{3}$ требуемаго, то и въ этомъ случаѣ ей нужно не болѣе 15 минутъ, чтобы половину пѣхотной колонны вывести изъ строя (*).

Вотъ какой можетъ быть результатъ пальбы 8 орудійной батареи, съ дальной дистанціи; а какъ *разстояніе дѣйствительнаго выстрѣла* (о которомъ мы сказали выше) бываетъ обыкновенно менѣе этой дистанціи, то съ этого разстоянія результатъ пальбы долженъ бы быть еще замѣчательнѣе. Но для этого нужно, чтобы дѣйствіемъ батареи (пѣшей или конной) руководило не молодечество и не предприимчивая отвага, а спокойное примѣненіе къ дѣлу правилъ артиллерійскаго искусства.

Вообще, батарея, которая при наступленіи остановится на дистанціи, превышающей разстояніе *дѣйствительнаго выстрѣла* (объясненное выше), не достигнетъ всей пользы, какую могла бы принести, не исполнить своего долга и обнаружить или незнаніе своей специальности или малодушіе; проскакавъ же далѣе, безъ крайней необходимости, она жертвуетъ людьми для неумѣстнаго молодечества и унижаетъ науку. Командиръ этой батареи (пѣшей или конной) не рожденъ для почетной артиллерійской службы, которая зиждется вся не на блестящихъ тщеславія, а на пользѣ и наукѣ.

Послѣ того невольно призадумашься, услышавъ или прочитавъ горячія, восторженные сужденія о какихъ-то молодецкихъ, лихихъ и предприимчиво отважныхъ *налетахъ* и *наскокахъ* конной артиллеріи на самое близкое разстояніе къ непріятелю, на пистолетный выстрѣлъ и осыпаніе его картечью, чуть ли не въ упоръ! Если такое молодечество дѣйствительно полезно и если въ немъ заключается главнѣйшее достоинство конной артиллеріи, то за чѣмъ же она составляетъ специальное войско. На что ей наука, искусство и опытъ, приобретаемые многими и продолжительными трудами? Къ чему постоянное попеченіе объ образованіи офицеровъ и обученіи прислуги? Вѣдь гораздо проще и

(*) Спѣшимъ оговориться. Этотъ расчетъ приведенъ здѣсь отнюдь не какъ практическое требованіе, а съ цѣлью указанія пользы и необходимости науки для успѣха артиллерійскаго дѣйствія.

легче взять козакъ или гусаръ, искони извѣстныхъ по своему молодечеству, показать имъ приемы орудійной пальбы и нѣсколько эволюцій, вообще весьма не сложныхъ. Эта импровизированная конная артиллерія, управляемая лихими кавалерійскими офицерами въ конно-артиллерійскомъ мундирѣ, изумитъ молодечествомъ не только свою, но и непріятельскую армію; но будетъ ли это артиллерія? Нѣтъ, это будетъ кавалерія, чуждая артиллерійскому искусству, умѣющая только скакать съ орудіями, куда угодно, и очертя голову производить учащенную и неразумную пальбу, почти въ упоръ. *Proh-pudor!* быть можетъ, что при преслѣдованіи разбитаго и упавшаго духомъ противника, такая молодецкая артиллерія и принесетъ нѣкоторую пользу, но, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, она дорого заплатитъ за недостатокъ искусства и опыта.

III. Наступательное движеніе для боя холоднымъ оружіемъ составляетъ часть атаки, движеніе для дѣйствія пальбою только средство для начатія огнестрѣльнаго боя. Изъ этого различія проистекаетъ неодинаковая необходимость сохраненія строя и различный характеръ необходимаго для войскъ нравственнаго настроенія.

Пѣхотная колонна, идущая въ атаку, должна сохранять строй и подходя къ непріятелю ускорить движеніе, потому что безъ соблюденія этихъ двухъ условій ударъ въ штыки не будетъ имѣть наибольшей силы натиска. Тѣже самыя условія необходимы для того, чтобы придать кавалерійской атакѣ наибольшую стремительность и силу удара. Въ томъ и другомъ родѣ войска, каждый рядовой считаетъ боевое движеніе началомъ атаки. Въ самомъ дѣлѣ, это есть какъ бы первый взмахъ вооруженной руки, первое напряженіе физическихъ силъ и первый взрывъ враждебнаго чувства. Тутъ, движеніе какъ бы сливается съ боемъ, и составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, называемое атакою. Принимая эту послѣднюю за совокупность дѣйствія физическихъ и нравственныхъ силъ атакующаго противъ атакуемаго, едва ли возможно опредѣлить, гдѣ именно оканчивается боевое движеніе и гдѣ начинается бой. Дѣйствіе нравственныхъ силъ упреждаетъ употребленіе физическихъ. Впечатлѣніе, производимое на противника пѣхотною колонною, отважно и стройно идущею въ штыки, или стремительно несущеюся массою кавалеріи, подъ которою земля дрожитъ, бываетъ иногда такъ велико, что противникъ, не дождавшись столкновенія, обращаетъ тылъ.

Этимъ и можетъ быть объяснена рѣдкость случаевъ рѣшительной вѣстрѣчи и схватки пѣхотныхъ колоннъ и массъ кавалеріи.

Но если боевое движеніе этихъ войскъ составляетъ часть ихъ атаки, то и доблести, свойственныя атакѣ холоднымъ оружіемъ, возникаютъ уже во время движенія, и это послѣднее не только допускаетъ молодечество, лихую удадь, богатырскую отвагу и т. п., но даже ихъ требуетъ.

Боевое движеніе разсыпной пѣхоты и артиллеріи (пѣшей и конной) имѣетъ совершенно другой характеръ. *Во-первыхъ*: Оно не требуетъ безостановочности. Стрѣлокъ останавливается на удобныхъ пунктахъ для производства выстрѣла; артиллерія, сопровождая войска, стрѣляетъ сперва крупными снарядами а потомъ картечью, слѣдовательно должна переходить съ позиціи на позицію. Съ прибытіемъ на мѣсто, она открываетъ пальбу не по необходимости, не для лучшаго успѣха, но потому, чтобы скорѣе помочь войскамъ и самой не подвергаться бесполезному урону. *Во-вторыхъ*: Только съ открытіемъ пальбы начинается впечатлѣніе, производимое ею на непріятеля. Во время движенія оно почти не существуетъ, тѣмъ болѣе, что тутъ надо стараться чтобы непріятель не могъ даже угадать, противъ какого именно пункта или противъ какой части его войскъ стрѣлки или батареи обратятъ свой огонь. Все это убѣждаетъ, что въ этомъ случаѣ движеніе, не сливаясь съ боемъ въ одно цѣлое (какъ въ пѣхотной или кавалерійской атакѣ) чередуется съ нимъ и каждое изъ нихъ начинается тогда, когда оканчивается другое; что движеніе разсыпной пѣхоты, и въ особенности артиллеріи, есть мертвый элементъ огнестрѣльнаго дѣйствія, между тѣмъ какъ для сомкнутой пѣхоты и кавалеріи оно составляетъ живой элементъ атаки; и наконецъ, что движеніе артиллеріи, подвергающее ее безотвѣтному урону и разстраивающее отчасти самый успѣхъ предстоящей пальбы, есть ничто болѣе какъ необходимое средство безъ котораго бы батарея не могла содѣйствовать атакѣ войскъ своими выстрѣлами и вообще поражать противника пальбою.

Разсматриваемое и какъ *средство*, боевое движеніе артиллеріи (пѣшей и конной) также существенно различно отъ наступленія сомкнутой пѣхоты и кавалеріи. Пѣхота должна слѣдовать въ атаку непремѣнно пѣшкомъ, а кавалерія на лошадяхъ. При всякомъ другомъ способѣ, постепенное увеличеніе быстроты, составляющее переходъ къ натиску или удару, было бы утрачено,

и тѣсная связь между движеніемъ и боемъ, столь необходимая для единства и силы атаки, была бы расторгнута. Для артиллеріи рѣшительно все равно, перенесется ли она съ одной позиціи на другую на лошадаяхъ, на дромадерахъ или на паровой машинѣ, лишь бы достигнуть до позиціи съ наибольшею быстротою, съ наименьшимъ урономъ и въ полной готовности немедленно открыть пальбу. Если во всѣхъ арміяхъ употребляются для этой цѣли лошади, то не по той причинѣ, чтобы тактика отвергала другія *средства*, а единственно потому, что ничего лучшаго еще не придумано.

Тактика признаетъ механизмъ артиллерійскаго движенія совершенно произвольнымъ, она требуетъ только быстроты и сохраненія порядка. Для этого изъ нравственныхъ условій нужно только хладнокровіе и пассивная храбрость, неимѣющая ничего общаго съ молодечествомъ и предприимчивою отвагою. Иначе и быть не можетъ. Эти доблести не только не нужны, но какъ мы видѣли, вредны для огнестрѣльнаго боя; какимъ же образомъ могутъ онѣ требоваться или быть полезны при движеніи, которое составляетъ *средство* для этого боя?

Въ полемикѣ по предметамъ практическимъ, простое сравненіе разсматриваемаго вопроса съ подобнымъ ему по главной идеѣ, но взятымъ изъ другой среды и относящимся къ другому роду дѣйствій, бываетъ иногда убѣдительнѣе систематическихъ изслѣдованій и доводовъ теоріи. Обратимся и къ этому способу.

Положимъ, что живописецъ, проживающій въ Петербургѣ, долженъ написать картину извѣстнаго содержанія, на плафонѣ одного изъ зданій города Одессы. Исполненіе этого порученія зависитъ отъ двухъ равномѣрно необходимыхъ, но въ высшей степени различныхъ условій: отъ прибытія живописца на мѣсто и отъ предстоящихъ ему тамъ занятій. Первое чисто матеріальное, требуетъ путешествія въ Одессу; второе чисто художественное, требуетъ искусства и вдохновенія: одно есть простое *средство*, другое — *цѣль*.

Путешествіе, какъ средство, столько же необходимо, какъ краски, кисти, масло, лакъ и т. д. и наравнѣ съ ними неимѣетъ никакого вліянія, ни на размѣры, ни на содержаніе картины. Въ отношеніи къ искусству, оно и съ этими матеріалами не можетъ быть сравнено, потому что достоинство картины зависитъ

въ нѣкоторой мѣрѣ отъ красокъ, масла, лаку, и т. п., а отъ путешествія ни сколько. Будетъ ли оно совершенно пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажѣ, по желѣзной дорогѣ, на кораблѣ или въ воздушномъ шарѣ,—это не имѣетъ никакого вліянія на размѣры, на содержаніе, достоинство, пользу и славу будущей картины. Конечно, путешествіе подлежитъ нѣкоторымъ условіямъ, безъ удовлетворенія которымъ, живописецъ не можетъ написать свою картину, но эти условія не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ. Если живописецъ человекъ благоразумный (чего мы вправѣ ожидать), то зная, что путешествіе обходится дороже обыкновенной жизни, что онъ не богатъ и что всякая издержка въ дорогѣ незамѣнима, онъ постарается *прибыть на мѣсто въ кратчайшій срокъ*. Вотъ первое условіе. Если онъ его не исполнитъ, то явится безденежье, и онъ застрянетъ гдѣнибудь на пути. *Во-вторыхъ*, при недостаткѣ осторожности, онъ можетъ захворать или сломать себѣ руку, слѣдовательно онъ не долженъ разсѣивать своего вниманія посторонними дѣлами, ему необходимо избѣгать душевныхъ волненій, однимъ словомъ для него важнѣе всего *спокойствіе ума*. Вотъ второе условіе. Одно есть матеріальный расчетъ, другое нравственное качество. Ничего болѣе ему не нужно.

При соблюденіи этихъ двухъ условій, путешествіе можетъ быть вполне удовлетворительно. Должно полагать, что артистъ, понимая истинную славу своего искусства, будетъ спѣшить въ Одессу, не останавливаясь на дорогѣ, для того, чтобы нарисовать какую либо бездѣлицу въ дамскомъ альбомѣ или на стѣнѣ почтовой станціи. Какъ бы щекотливъ ни былъ его характеръ, онъ будетъ избѣгать всякой ссоры или схватки, потому что хотя бы люди на дорогѣ и назвали его молодцомъ, даже рыцаремъ, но потеря времени, а можетъ быть и рана, замедлятъ или разстроютъ составленіе картины въ Одессѣ, и что тогда скажутъ о немъ другіе художники?

Возвращаясь къ артиллеріи, заключимъ, что боевое движеніе, наравнѣ съ движеніемъ каждой машины, требуетъ только известной скорости и сохраненія необходимаго порядка. Эти условія одинаковы какъ для пѣшей, такъ и для конной артиллеріи. Изъ этого опять не слѣдуетъ, чтобы стройность конно-артиллерійскаго движенія могла быть оставлена безъ вниманія. Напротивъ, по мѣрѣ возможности надо совершенствоваться и эту часть,

потому что въ извѣстныхъ границахъ, она, по самому уже сохраненію порядка, необходима для быстроты движенія.

Большая или меньшая скорость боеваго движенія хотя и не имѣетъ никакой связи съ артиллерійскою спеціальностью, но она существенно важна въ тактическомъ отношеніи; она обуславливаетъ случаи употребленія пѣшей или конной артиллеріи. Первая употребляется преимущественно для продолжительной и упорной пальбы и сопровождаетъ атаки пѣхоты; вторая особенно полезна для быстрого и внезапнаго пораженія противника пальбою, для занятія его вниманія дѣйствіемъ небольшого числа орудій на различныхъ мѣстахъ, для подавнія скорой помощи войскамъ, или скорого занятія какого либо пункта артиллеріею, для нападений въ разплехъ, довершенія разстройства непріятеля при преслѣдованіи, или для удержанія его напора при отступленіи, и наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно удерживать непріятеля до послѣдней возможности, не опасаясь потерять орудія.

Нѣкоторыя изъ этихъ порученій возлагаются иногда и на пѣшую артиллерію и она исполнить ихъ всякій разъ, когда утомленіе лошадей (упряжныхъ), свойства мѣстности, или другія обстоятельства, почти уравниваютъ ея подвижность съ подвижностью конныхъ орудій. Такіе случаи не рѣдки. Въ теоріи, или на учебномъ полѣ, каждый родъ войска способенъ къ правильному и въ извѣстной мѣрѣ быстрому движенію; но кампанія (особенно продолжительная) чрезвычайно измѣняетъ расчеты мирнаго времени. Стремительное и стройное наступленіе кавалеріи встрѣчается на войнѣ довольно рѣдко, а быстрота во весь опоръ замѣняется умѣренной прытью, иногда даже ускоренною рысью. Эволюціи конной артиллеріи лишаются поэтической красоты мирныхъ ученій, и различіе между хорошею пѣшею и хорошею конною артиллеріею, нарушаясь постепенно, оканчивается тѣмъ, что одно орудіе везутъ 4 изнуренныя лошади, а другое, такое же орудіе, 6 лошадей, но болѣе изнуренныхъ.

Изъ нравственныхъ качествъ, тому и другому роду артиллеріи необходимы только хладнокровіе и присутствіе духа въ опасности. Эти качества нужны конной артиллеріи еще болѣе, чѣмъ

пѣшей, потому, что первая подвергается всегда бѣльшей опасности, чѣмъ вторая. Если же конная артиллерія станетъ увлекаться молодечествомъ, то быстрое разстройство матеріальной части и изнуреніе лошадей сдѣлаютъ ее въ короткое время не только менѣе подвижною, чѣмъ пѣшая, но вовсе негодною для службы.

Мѣткость пальбы не зависитъ ни отъ пѣшей или конной прислуги, ни отъ наступательной или оборонительной цѣли; слѣдовательно должна быть одинакова при дѣйствіи пѣшей или конной артиллеріи. Если тутъ можетъ быть разница, то развѣ та, что отъ конно-артиллерійскаго офицера надлежало бы требовать большаго хладнокровія, такъ какъ онъ чаще стрѣляетъ картечью, и по свойственной этому снаряду короткой дистанціи находится въ бѣльшей опасности.

Разсмотрѣвъ отдѣльно главнѣйшія части спорнаго вопроса, мы вправѣ сдѣлать нижеслѣдующія заключенія:

1) Основательное знаніе артиллерійскаго искусства составляетъ главную и единственную спеціальность артиллерійской службы. На изученіе этой спеціальности, въ возможной полнотѣ, офицеры какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ батарей, должны посвящать все время, свободное отъ служебныхъ занятій. Любя свое обширное и многосложное искусство, проникнувшись убѣжденіемъ, что отъ его успѣховъ зависитъ польза, слава и вся будущность благородной ихъ службы, они дружно, единодушно, и ревностно соединятъ свои усилія на усовершенствованіе артиллерійской спеціальности, возвышая тѣмъ и самое значеніе артиллеріи въ составѣ арміи.

При такомъ только направленіи можетъ утвердиться между офицерами истинное товарищество, понятіе объ одной общей артиллерійской семьѣ и одинъ общій истинно-артиллерійскій духъ.

Въ арміяхъ Западной Европы различіе между конною и пѣшею артиллеріею ограничивается большею подвижностью первой и отчасти строевымъ обученіемъ прислуги; для офицеровъ же спеціальность одна; занятія, товарищество и духъ—общіе. Служба въ конныхъ батареяхъ бываетъ переходная, временная и почти очередная.

2) Артиллерійскія движенія и эволюціи опредѣлены вездѣ уставомъ. Обученіе прислуги входитъ въ кругъ службы, а время для этихъ упражненій назначается начальствомъ. Что же относится до офицеровъ, то они, какъ въ пѣшей, такъ и въ конной артиллеріи, совершаютъ всѣ движенія на лошадяхъ; слѣдовательно, упражненія въ ѣздѣ необходимы для тѣхъ и другихъ; но сколько именно надобно каждому посвящать на это свободного времени, посѣщать ли ему манежъ или выѣзжать въ поле для развлечения послѣ ученыхъ, спеціальныхъ занятій, пристращаться ли къ лошадямъ или нѣтъ, и перенимать ли кавалерійскія манеры,—это совершенно зависитъ отъ личнаго ихъ характера. Служба, въ строгомъ смыслѣ, требуетъ только того, чтобы каждый изъ нихъ, при всѣхъ аллюрахъ движенія, сидѣлъ крѣпко въ сѣдлѣ и свободно владѣлъ конемъ.

Тоже самое требуется отъ каждаго офицера генеральнаго штаба и отъ адъютанта, однакожь никто еще не находилъ въ нихъ службъ ни кавалерійской спеціальности, ни кавалерійскаго элемента, и не поощрялъ ихъ къ приобрѣтенію кавалерійскаго духа, потому, что для этихъ лицъ быстрота движенія есть только *средство* къ исполненію прямыхъ обязанностей (спеціальныхъ), между тѣмъ какъ въ кавалеріи движеніе составляетъ живой элементъ атаки. Даже въ службѣ пѣшей артиллеріи, никто не ищетъ пѣхотной спеціальности и пѣхотнаго элемента, почему же находить какую то двойственность въ службѣ конной артиллеріи?

Слово спеціальность означаетъ *исключительное* занятіе, однимъ какимъ либо предметомъ, а потому, соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ спеціальностей, противно логикѣ, въ особенности если онѣ обѣ признаются равномѣрно важными и необходимыми. Быть специалистомъ въ медицинѣ и въ слесарномъ дѣлѣ, невозможно; надо рѣшиться на одно: быть медикомъ, или слесаремъ.

Еще недавно случилось намъ прочитатъ въ одной изъ статей о конной артиллеріи, что «закоренѣвшее въ большинствѣ артиллеристовъ Западной Европы, одностороннее, педантское превознесеніе собственной своей спеціальности, передъ спеціальностями другихъ родовъ войскъ, заставляетъ офицеровъ конной артиллеріи взирать на кавалерійскую часть своей службы, какъ на предметъ маловажный и т. д.». Въ этомъ упрекѣ довольно трудно понять, что такое значитъ служба въ службѣ, кавалерійская въ конно-артиллерійской; докторъ въ слесарѣ, или слесарь

въ докторѣ? Но, не останавливаясь надъ этимъ, скажемъ откровенно, что съ большинствомъ артиллеристовъ Западной Европы нельзя не согласиться, потому что въ этомъ закоренѣвшемъ превознесеніи своей спеціальности, должно видѣть не односторонность и не педанство, а истинную любовь къ этой спеціальности и вѣрнѣйшій залогъ ея успѣховъ. Въ каждомъ родѣ войска, офицеръ, истинно преданный службѣ, непременно ставитъ свою спеціальность выше другихъ спеціальностей, и это пристрастіе принадлежитъ безспорно къ характеристическимъ чертамъ превосходной арміи. Артиллерійская же спеціальность даетъ офицеру полное право гордиться ею.

3) По здравому смыслу очевидно, что при равномъ спеціальномъ образованіи офицеровъ и равномъ обученіи прислуги, пальба изъ одинаковыхъ орудій, съ одною цѣлью и въ одинаковыхъ обстоятельствахъ (мѣстность и непріятель), не можетъ быть различна.

Спеціальное образованіе офицеровъ и обученіе прислуги должно быть совершенно одинаковое въ пѣшей и конной артиллеріи, орудія одинаковы, — цѣль при наступленіи и при оборонѣ всегда одна: причинить непріятелю наибольшій вредъ съ наименьшимъ для себя урономъ; слѣдовательно, въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, какъ пѣшая, такъ и конная батарея, должны подѣзжать на одинаковое разстояніе къ непріятелю, стрѣлять одинаково скоро и одинаково мѣтко. Нѣтъ никакой причины, чтобы пальба при атакѣ производилась скорѣе, чѣмъ при оборонѣ (*), или чтобы конная батарея стрѣляла скорѣе пѣшей. Налеты и наскоки конной артиллеріи ближе къ непріятелю, чѣмъ требуетъ искусство, или замѣна мѣткости выстрѣловъ ихъ числомъ, недостойны спеціальнаго оружія. Не кровію людей и урономъ матеріальной части должно выкупать недостаточное знаніе или пренебреженіе искусства, а наоборотъ, искусствомъ сберегать кровь людей и матеріальную часть батарей.

4) Весьма ясно, что каждый родъ войска долженъ быть проникнутъ духомъ, соотвѣтствующимъ характеру главныхъ дѣйствій, предназначенныхъ ему на войнѣ. Такимъ главнымъ дѣй-

(*) Въ нѣкоторыхъ курсахъ тактики выражено требованіе, чтобы артиллерія старалась при атакѣ преимущественно о скорости, а при оборонѣ преимущественно о мѣткости пальбы.

ствіемъ для всѣхъ родовъ войскъ есть, какъ мы видѣли, *бои*, для артиллеріи пальба. Но эта послѣдняя одинакова какъ въ пѣшей, такъ и въ конной артиллеріи, она требуетъ отъ офицеровъ одинаковаго искусства и одинаковаго нравственнаго настроенія. Это настроеніе, какъ во время пальбы, такъ и при боевыхъ движеніяхъ, было уже рассмотрѣно выше. Отъ офицера того и другаго рода артиллеріи требуется: хладнокровіе, непоколебимое спокойствіе ума и пассивная храбрость, до героизма.

Въ народѣ, пылкомъ отъ природы, армія котораго славится своимъ воинственнымъ духомъ, одинъ изъ военныхъ писателей отзывается объ артиллеріи вообще (о пѣшей и конной) слѣдующимъ образомъ: «*L'audace n'est par en général la vertu qui doit la distinguer, les saillies de valeur lui seraient presque funestes; un courage tranquille et constant, une froide valeur, une grande patience, telles sont les qualités qui lui conviennent, et qui assurent ses succès.*»

Соединеніе этихъ доблестей съ любовью къ артиллерійскому искусству и съ общими нравственными основами военнаго званія, чувствомъ чести, сознаниемъ долга, народною гордостью, любовію къ родинѣ и т. п. составляетъ высшую степень артиллерійскаго духа. Онъ одинаковъ для офицеровъ и для прислуги пѣшихъ и конныхъ орудій.

Командиръ конной батареи, непроникнутый этимъ духомъ, старающійся о развитіи между своими подчиненными не любви къ наукѣ, а пристрастія къ кавалерійскимъ занятіямъ, радѣющій не объ усовершенствованіи ихъ въ артиллерійской спеціальности, а о зарожденіи между ними кавалерійскаго молодечества, пылкій, неосторожный, удаляющійся безъ необходимости отъ своего прикрытія, горячій поборникъ налетовъ и наскоковъ ближе и ближе къ непріятелю, не разсчитывающій въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ на одно только хладнокровное производство мѣткой пальбы, выкупающій числомъ выстрѣловъ ихъ малую дѣйствительность и отвагою неудовлетворительность спеціальнаго образованія, такой командиръ можетъ отличиться въ кавалерійской службѣ, но отнюдь не въ конной артиллеріи, гдѣ для пылкости нѣтъ простора. Такой родъ дѣйствій отвергають въ равной мѣрѣ и тактика и артиллерійское искусство. Наконецъ:

5) Для сформированія конно-артиллерійской батареи представляется два способа: или, взявъ отъ пѣшей батареи готовую прислугу, обучить ее сидѣть твердо въ сѣдлѣ и на всѣхъ аллюрахъ свободно владѣть лошадыю; или же, взявъ людей отъ

кавалеріи, обучить ихъ артиллерійскому искусству. Тѣмъ и другимъ способомъ, при назначеніи офицеровъ и фейрверкеровъ непременно изъ конной артиллеріи, можно въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ сформировать равно хорошую батарею, но не въ одинаковое время. Весьма понятно, что обученіе удовлетворительной ѣздѣ, безъ всякихъ притязаній на кавалерійское совершенство, несравненно легче, чѣмъ обученіе артиллерійскому искусству и приобрѣтеніе надлежащаго опыта.

Въ случаѣ *весьма поспѣшнаго* формировація конной артиллеріи, второй способъ удобнѣе. При опытныхъ артиллерійскихъ офицерахъ и фейрверкерахъ, кавалеристы, составляющіе прислугу орудій, могутъ въ скоромъ времени изучить механизмъ пальбы. Иному кавалеристу оторветъ руки, многихъ пришибетъ лафетомъ, но, при наводкѣ орудій офицерами и постоянной ихъ бдительности, пальба будетъ удовлетворительна. Успѣхъ дѣйствія такой батареи будетъ зависѣть исключительно отъ начальниковъ.

Въ 1849 году, подъ Германштадтомъ, потребовалось поспѣшно сформировать одинъ взводъ конной артиллеріи. Для прислуги къ орудіямъ взяты были козаки. Ихъ обучили на скорую руку, и чрезъ пять дней послали преслѣдовать Венгерцевъ, отступавшихъ отъ Баламира. Удалые Донцы принесли посильную пользу противъ инсургентовъ, разстроенныхъ, упавшихъ уже духомъ, которые иногда при одномъ появленіи нашихъ орудій, не ожидая открытія пальбы, бросались на колѣни. Но подобныя обстоятельства встрѣчаются весьма рѣдко, батарея же формируется не для такихъ исключительныхъ случаевъ, которые можетъ быть никогда уже не повторятся, а для службы во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, для дѣйствій противъ отличнѣйшихъ непріятельскихъ войскъ съ пользою и славою; слѣдовательно, въ вопросѣ о формироваціи конной артиллеріи такого исключительнаго факта въ основаніе брать не слѣдуетъ. Еще менѣе позволительно приводить подобный фактъ въ доказательство, будто бы у насъ *всегда* существовало на счетъ конной артиллеріи совершенно другое мнѣніе, какъ въ Западной Европѣ, будто бы у насъ всегда находили, что *для конно-артиллериста необходимо всего быть лхиимъ пздокомъ!* Нѣтъ; такого убѣжденія въ Россіи никогда не существовало, и лучшимъ тому доказательствомъ служить самый корпусъ офицеровъ нашей конной артиллеріи. Гдѣ они получили и получаютъ свое основное, глав-

ное, специальное, образование, въ образцовомъ кавалерійскомъ полку или въ специальныхъ артиллерійскихъ классахъ и заведенияхъ? Съ какою цѣлью существуетъ у насъ разсадникъ способнѣйшихъ пѣшихъ и конныхъ артиллеристовъ, Михайловская артиллерійская академія? И наконецъ, съ какою цѣлью правительство принимаетъ столько мѣръ для поощренія къ специальнымъ занятіямъ офицеровъ, какъ пѣшей, такъ и конной артиллеріи, безъ малѣйшаго различія между ними; конечно, не затѣмъ, чтобы конно-артиллерійскіе офицеры были преимущественно лихими ѣздоками.

Этими выводами мы бы могли закончить настоящую статью; но разсмотрѣвъ специальность артиллеріи, необходимо сказать хотя нѣсколько словъ о службѣ прочихъ войскъ и особенно о драгунской, съ которою неоднократно была сравниваема конно-артиллерійская служба.

Боевыя дѣйствія пѣхоты имѣютъ три вида: атаку штыками, эволюціи въ виду непріятели и пальбу. Для производства атаки, требуется одно общее строевое обученіе, необходимыя для боя эволюціи весьма не сложны и все это не составляетъ еще ни обширной ни трудной специальности. Но пальба въ сомкнутомъ строѣ требуетъ знанія и навыка, а въ разсыпномъ строѣ, на произвольной мѣстности, можетъ быть названа по всей справедливости особою и обширною специальностію. Раздѣленіемъ пѣхоты на линейную и легкую отстраняется всякое требованіе двухъ равномѣрно сложныхъ и трудныхъ специальностей.

Въ кавалеріи (кромѣ драгунъ), фланкерное огнестрѣльное дѣйствіе нельзя назвать специальностію. Въ отношеніи къ этой пальбѣ можно замѣтить только то, что какъ она несравнено труднѣе пѣхотной, то для увеличенія ея вѣрности желательно было бы давать фланкерамъ огнестрѣльное оружіе самаго высокаго достоинства. Драгуны предназначаются для дѣйствій какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строѣ, а потому въ этомъ войскѣ безспорно соединяются двѣ специальности. Онѣ *равно необходимы*, потому что при драгунахъ остается въ полномъ смыслѣ кавалерійская специальность, а для пѣхотной специальности они имѣютъ особое отъ прочей кавалеріи устройство, этою цѣлью

только оправдываемое. Въмѣстѣ съ тѣмъ, объ специальности *обширныхъ, трудныхъ и важныхъ*. Драгунъ долженъ ухаживать за лошадей и заботиться объ исправности своего ружья; изучить всю кавалерійскую службу и важнѣйшую часть пѣхотной; быть отличнымъ ѣздокомъ, лихимъ рубакою, и въ той же мѣрѣ боецемъ въ штыки и отличнымъ стрѣлкомъ. Въ мирное время, его служба вдвое труднѣе, вдвое изнурительнѣе службы всѣхъ прочихъ войскъ. Рядовой драгунъ невольнымъ образомъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ служитъ и трудится за двоихъ, и никакъ не можетъ себѣ объяснить эти двойныя съ него требованія; потому что или самъ испыталъ на службѣ, или знаетъ отъ старослуживыхъ товарищей, что драгунскій полкъ иногда въ продолженіе всей войны не спѣшивался ни разу, что иной драгунъ былъ въ нѣсколькихъ кампаніяхъ и не сдѣлалъ ни одного выстрѣла изъ своего ружья. Между тѣмъ приготовленіе кавалериста къ рѣдкимъ на войнѣ случаямъ, въ которыхъ онъ долженъ замѣнить на время пѣхотинца, есть дѣло трудное, сопряженное съ такими требованіями, которыхъ бремя постоянно тяготѣетъ надъ солдатомъ. Въ мирное и въ военное время на кавалерійскихъ ученьяхъ, въ кавалерійскомъ бою и въ походахъ, драгунъ никогда не расстаётся съ своимъ ружьемъ. Оно остается у него безъ всякаго употребленія; оно лишнее, а между тѣмъ обременяетъ его, жметъ, затрудняетъ его кавалерійское дѣйствіе и въ добавокъ принуждаетъ драгунъ отражать однимъ саблями ударъ кавалеріи, вооруженной пиками. Солдатъ долженъ постоянно усердствовать къ занятіямъ, противнымъ кавалерійскому духу, маршировать, строиться въ колонну, развертываться, рассыпаться, бѣгать, прыгать черезъ канавы, ползать въ кустахъ, прятаться за мѣстными предметами и въ особенности обдумывать все, что относится до пальбы, дабы его выстрѣлы могли быть мѣткі; однимъ словомъ, кромѣ обширной кавалерійской службы, онъ долженъ изучить еще все то, что съ трудомъ дается войску, специально назначенному для дѣйствія въ разсыпномъ пѣхотномъ строѣ; сдѣлавшись на время пѣхотинцемъ, онъ избавленъ отъ рана, но ему мѣшаютъ шпоры и длинная сабля. Обыкновенно, онъ долженъ оборонять или атаковать деревню, не большую рощу, мостъ, или другой родъ дефиле, и при всей своей храбрости, при всемъ усердіи, онъ не въ состояніи исполнять эти порученія такъ хорошо, какъ пѣхота; отъ него и требовать этого

нельзя (*), а между тѣмъ самолюбіе его страдаетъ, видя на опытѣ, что труды, понесенные имъ въ мирное время, не ведутъ его къ блестящему отличію на войнѣ. Наконецъ, какимъ образомъ комплектовать во время войны убыль людей? Въ началѣ, конечно, изъ резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ, но, въ случаѣ продолжительной войны, естьли возможность приготовить рекрутъ къ службѣ, столь обширной и трудной? Стало бытъ или драгунскіе полки мало по малу обратятся въ обыкновенную кавалерію, или же число ихъ придется уменьшать постепенно, образованіемъ сводныхъ драгунскихъ полковъ.

Всѣ эти разнородныя неудобства и противоположности невольно заставляютъ допустить въ драгунской службѣ огромный перевѣсъ одной спеціальности надъ другою, и не считать обѣихъ, ни равно необходимыми, ни равно важными. Драгуны во всѣхъ арміяхъ считаются *кавалеріею* въ полномъ смыслѣ, а не *среднимъ войскомъ* между конницею и пѣхотою.

Конная артиллерія была неоднократно сравниваема съ драгунами. Это сравненіе неосновательно, потому что драгуны должны дѣйствовать какъ кавалерія и какъ пѣхота, и въ ихъ службѣ безспорно соединяются двѣ спеціальности, между тѣмъ какъ конная артиллерія предназначена исключительно къ одному только дѣйствию, собственно артиллерійскому, и въ ея службѣ только одна артиллерійская спеціальность. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ничего общаго между службою этихъ двухъ родовъ войскъ; но сходство существуетъ въ другомъ отношеніи и заключается въ томъ именно, что во всѣхъ арміяхъ нынѣшнее устройство драгунъ и конной артиллеріи требуетъ преобразованія.

Неудобства организаціи драгунъ разсмотрѣны уже нами, что же касается конной артиллеріи, то она, для того только, чтобы *орудія* могли поспѣвать за кавалеріею, требуетъ *втрое* болѣе лошадей, чѣмъ пѣшая, и представляетъ гораздо большую цѣль для выстрѣловъ, подвергая тѣмъ прислугу большей опасности и матеріальную часть большому урону. Исправленіе этого урона гораздо труднѣе, чѣмъ въ пѣшей артиллеріи. Пальба конной батареи замедляется спѣшиваніемъ прислуги, строевое обученіе оной требуетъ времени и особыхъ трудовъ, а содержаніе

(*) Въ особенности при нынѣшнемъ разсыпномъ дѣйствіи пѣхоты, снабженной нарѣзнымъ оружіемъ.

стоитъ значительныхъ издержекъ. Наконецъ во время продолжительной войны, конную артиллерию труднѣе комплектовать, чѣмъ пѣшую.

Организація каждаго войска должна быть основана на тѣхъ главныхъ тактическихъ началахъ, которыя обуславливаютъ его значеніе и характеръ; слѣдовательно, если въ устройствѣ войска обнаруживаются важныя неудобства, то съ достовѣрностью можно заключить, что примѣненіе тактическихъ требованій было сдѣлано или ошибочно или чѣмъ нибудь несущественно нужнымъ усложнено. Это усложненіе видно въ устройствѣ драгунъ и конной артиллеріи, а потому казалось бы, что организацію ихъ можно упростить.

Въ дѣлѣ, чисто практическомъ, путь для излѣдованія подобныхъ вопросовъ только одинъ — надо составить предположеніе объ упрощеніи, основанное на однихъ только существенныхъ теоретическихъ требованіяхъ и подвергнуть его опыту. Если предположеніе окажется неудобнымъ, то составить и подвергнуть опыту второе, и т. д., пока опытъ не укажетъ, на чемъ можно остановиться.

Кто возбуждаетъ какой либо практическій вопросъ, тотъ обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предложить средство къ его рѣшенію. Иначе рѣшительно не зачѣмъ возбуждать такіе вопросы. Для удовлетворенія этому условію каждаго совѣстнаго труда, мы рѣшаемся изложить наше предположеніе. Оно весьма не полно. Это болѣе основаніе проэкта, чѣмъ готовый уже проэктъ. Пусть люди болѣе талантливые и люди практическіе рѣшатъ пригодно ли это основаніе и можетъ ли оно привести къ полезному результату? При нынѣшней военно-литературной дѣятельности, всякая мысль, представленная на судъ публики, это руда, брошенная въ горнило, по выходѣ изъ котораго тотчасъ видно, содержится ли въ ней полезный металлъ, и стоитъ ли она разработки? Вотъ наши предположенія относительно драгунъ и конной артиллеріи.

I.

Цѣль, съ которою учреждены драгуны, можетъ быть достигнута двоякимъ образомъ: или обучивъ кавалерію дѣйствовать

въ пѣхотноѣ стрѣй или, на-оборотъ, обучивъ пѣхоту быстро проскакивать на кавалерійскихъ лошадяхъ извѣстное разстояніе, которое обыкновенно бываетъ незначительно. Что проще и легче? Первый способъ былъ уже употребленъ и оказывается неудобнымъ; разсмотримъ второй.

Въ настоящее время изъ драгунскаго эскадрона образуется взводъ пѣхоты и потребное число коноводовъ. Положимъ, что на какой либо пунктъ нужно отправить двѣ роты или четыре взвода. Стрѣлковыя войска очевидно будутъ для этого самыя лучшія, а при нынѣшнемъ обученіи нижнихъ чиновъ гимнастикъ, казалось бы не труднымъ придать имъ снаровку быстро садиться на лошадей и крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ на скаку. Для исполненія помянутаго порученія къ обученному ѣздить, стрѣлковому баталіону приближается пять эскадроновъ любаго кавалерійскаго полка, четыре взвода стрѣлковъ, скинувъ ранцы передаютъ ихъ спѣшеннымъ взводамъ кавалеріи, а сами садятся на ихъ лошадей и вмѣстѣ съ коноводами слѣдуютъ подъ прикрытіемъ 5-го эскадрона кавалеріи на указанный пунктъ. По исполненіи порученія, весь отрядъ возвращается къ спѣшеннымъ кавалеристамъ; стрѣлки берутъ отъ нихъ свои ранцы и отдаютъ имъ лошадей.

Употребленіе этого способа могло бы доставить слѣдующія выгоды.

а) Весьма важныя неудобства соединенія двухъ равно обширныхъ и трудныхъ специальностей въ нынѣшней драгунской службѣ были бы устранены.

б) Всякое пѣхотное порученіе было бы лучше исполнено; особенно въ настоящее время, при всеобщемъ введеніи нарѣзнаго оружія.

II.

Все, что можно было сдѣлать для увеличенія подвижности конно-артиллерійскихъ орудій, у насъ уже сдѣлано, что же касается прислуги, то она имѣетъ излишнюю подвижность; прислуга можетъ опереживать орудія, между тѣмъ какъ существенное требованіе заключается только въ томъ, чтобы она не отставала отъ орудій. *Слѣдовательно, надо устранить это излишество безъ уменьшенія подвижности орудій.* Въ этомъ заключается сущность задачи.

Очевидно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ употребляемой въ Австріи ѣздящей артиллеріи, потому что всякое посаженіе артиллерійской прислуги на лафетъ или на зарядный ящикъ, увеличивая грузъ, замедляетъ движеніе орудія. Другое дѣло посадить прислугу *на особую для каждаго орудія повозку*. Это средство, не смотря на свою простоту, нигдѣ еще не было испытано; оно составляетъ новое предположеніе, въ пользу котораго можно сказать многое. Всякая легкая повозка не только при равномъ, но и при меньшемъ числѣ лошадей, никогда не отстанетъ отъ такой тяжелой и неудободвижимой повозки, каково орудіе съ лафетомъ; а при надлежащемъ устройствѣ, повозка представитъ и меньшую цѣль непріятельскимъ выстрѣламъ, чѣмъ прислуга на лошадяхъ. Садиться на скамью и соскакать съ ней всегда легче, чѣмъ садиться на лошадь и спѣшиваться; коноводовъ не потребуется вовсе. Однимъ словомъ, прислуга, посаженная на особую для каждаго орудія легкую повозку, могла бы исполнить въ точности существенное требованіе тактики, то есть *не отставала бы никогда отъ орудія и не представляла бы слишкомъ большой цѣли выстрѣламъ*;—орудія же сохранили бы ту же самую подвижность, какую они имѣютъ нынѣ въ конной артиллеріи.

Чтобы повозка была удобна для быстрой ѣзды съ посаженною на ней прислугою, надо бы устроить ее въ видѣ пожарной линейки со скамьями; а для избѣжанія заѣздовъ всею повозкою, можно бы составить ее изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ съ собою, какъ въ англійской артиллеріи передокъ съ лафетомъ или вмѣсто одной 4-хъ колесной имѣть двѣ особыя 2-хъ колесныя повозки.

Отъ употребленія этого средства получились бы слѣдующія выгоды:

а) Уничтожилось бы различіе между одеждою, вооруженіемъ, строевымъ образованіемъ и комплектованіемъ пѣшей и конной артиллеріи.

б) Полагая одинаковое число прислуги и одного коннаго фейерверкера на орудіе въ пѣшей и конной артиллеріи, число лошадей въ легко-конной батареи сократилось бы *на половину* и вообще какъ въ мирное, такъ и въ военное время, потребовалось бы менѣе издержекъ.

в) Боевой уронъ уменьшился бы, и, въ крайнемъ случаѣ, обратилъ бы конную батарею въ пѣшую, какъ это бываетъ и

нынѣ; — убитыхъ и раненыхъ можно бы не оставлять на полѣ сраженія, и наконецъ главное:

d) При той же самой, какъ нынѣ, подвижности конной батареи, специальное артиллерійское образованіе офицеровъ и обученіе прислуги могли бы быть гораздо болѣе развиты, потому что тогда осталось бы много времени отъ строевыхъ занятій и никто бы уже не искалъ въ службѣ батареи ни кавалерійскаго элемента, ни кавалерійской специальности.

Въ заключеніе повторяемъ, что изложенныя здѣсь предположенія имѣютъ единственную цѣль обратить на эти предметы вниманіе военныхъ людей, указавъ для организаціи двухъ родовъ войскъ *основанія* менѣе сложныя и вполне соответствующія существеннымъ требованіямъ тактики.

Л. ШТУРМЕРЪ.